

УДК 94 (470.6)

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-4-107-115

ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ

Федина И. М.

*Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Российская Федерация
E-mail: ir_Lap@mail.ru*

Анализируется начальный этап заселения территории Кубани в конце XVIII века. Изучение истории первых поселений черноморских казаков позволяет воссоздать историческую картину заселения территории Черноморья, выявить характерные особенности развития первых казачьих поселенческих структур на юге России. Поселенческий уклад во многом предопределяется типом поселения и моментом его образования в региональном историческом пространстве, хотя в особых условиях кубанского (южно-российского) фронта немаловажное значение приобрели вопросы закрепления, устойчивости казачьих поселений. В статье особое внимание уделяется казачьим слободкам и куренным селениям, как первичным поселенческим образованиям, их обустройству и планировке.

Ключевые слова: заселение, курень, казачья слобода, Черноморья, поселения, казаки.

Образование первых казачьих поселений в Черноморья относится к 1792–1794 гг., однако этот процесс нельзя ограничить какой-либо одной конкретной датой, ибо в условиях необжитого края требовалось значительно больше времени на освоение новых российских территорий, на закладку поселений и обустройство поселенческого месторасположения. В отношении исторического региона Кубани изначальным моментом в его заселении казаками традиционно называется переселение 40 куреней «славных и храбрых запорожцев», казаков Черноморского казачьего войска. Однако, первыми поселениями черноморских казаков на осваиваемой ими территории Кубани стали отнюдь не курени (куренные селения), а стихийно создаваемые казачьи слободки. Как справедливо подчёркивал один из первых историков Кубани Е. Д. Фелицын, «на вновь пожалованной земле семейные черноморцы остановились таборами и образовали сперва восемь временных селений: Захаровку, Тимофеевку, Андреевку, Константиновку, Антоновку, Стояновку, Онуфриевку и Алексеевку» [14, с. 253].

Казачья слободка – это, по нашему мнению, исторический тип поселения, имеющий временный характер и занимающий небольшой участок, связанный с освоением новых российских земель как опорный посёлок, стимулируемый к своему появлению освобождением переселенцев от государственных и иных податей, образуемый, прежде всего, вольным казачьим населением, организующим повседневную деятельность на принципах традиционного самоуправления.

Историческое время существования таких казачьих слободок было не продолжительно, в чём нас убеждают обобщаемые конкретно-исторические материалы. Кроме того, далеко не все из названных выше слободок находились в «глубине степей подальше от Кубани и черкесов». К примеру, Захарьевку казаки основали на берегу реки Большой Карасун, на месте будущего Пашковского куреня. По мнению П. П. Короленко, заселение кубанского пограничья проводилось войсковым правительством принудительным путём. «Прибывающие к Кубани переселенцы смешанных куреней, – подчёркивает он, – становились таборами при кордонных постах, для лучшего обеспечения на случай набегов закубанских горцев... Вскоре таких таборов набралось десять. Кошевое управление назвало их селениями с наименованием: Онуфриевка, Константиновка, Стояновка, Киргизовка, Большая Киргизовка, Захарьевка, Тимофеевка, Чернолесска и Антоновка; для лучшего в них порядка, кошевой приказал жителям избрать в каждом селении атамана и писаря» [11, с. 57].

Архивные изыскания современных исследователей позволили выделить ещё несколько подобных поселений, относящихся к историческому типу казачьей слободки. Так, Б. Е. Фролов называет слободки: Ангелинка, «Бурлацкого броду», Васюринская, Верхняя, Видная, Журавлёвка, Малая Андреевка, Некрасовское селение, Терновка, Чернобровка, Шелестовка. Он отмечает также наличие целой группы частных слободок, появившихся в это время в Черномории, например, слободы атамана Захария Чепеги [16, с.13]. Полагаем, что в данном случае речь идёт о первых хуторах.

В рапорте войскового правительства от 9 июня 1793 г. правителю Таврической области С. С. Жегулину встречается исторически важное сообщение о намерении завести «воинские селения по над рекою Кубаном, начиная от устья ея до Усть-Лабинской линии...» [5, л. 2]. Скорее всего, если говорить о типе поселения, то речь шла о казачьих слободках, нежели об укреплениях, которые так и называли, или кордонах и пр.

В первой «вернейшей» переписи весьма часто встречаются любопытные данные о казачьих поселенческих структурах. Помимо Екатеринодара, города Тамани и ряда указанных выше селений (слобод), казаки проживали на самых различных речках и косах: в «городе Чебаклее», при Албашском, Сладком, Чёрном, Горьком и прочих лиманах; в «Фонтале», на рыбных заводах, кордонах, «футорах», и даже есть такая формулировка: «проживающие в разных местах» [12, с.7]. С точки зрения типа поселения, в данном случае, очевидно, подразумеваются большие и малые хутора, а также военные укрепления: посты (кордоны), пикеты («бикеты»), батареи («батарейки»). Заметим, военные укрепления на Кубани нередко превращались в поселения.

Ещё до окончания переписи (21 марта 1794 г.) правительство принимает решение поселить казаков отдельными куренными селениями (то есть заполнить селение и/или слободу казаками, приписанными к одному куреню). Впервые это решение юридически зафиксировано в «Порядке общей пользы», принятом 1 января 1794 г. В пункте 3 «Порядка» значилось: «По войсковой дисциплине, ради собрания

войска, устройства дозволяемого порядка и прибежища бездомных казаков во граде Екатеринодаре выстроить сорок куреней, да и войско при границы поселить куренными селениями в тех местах, где какому куреню по жребию принадлежать будет» [5, л. 2].

В документальных архивных материалах Государственного архива Краснодарского края прослеживаются следующие хронологические вехи в развитии казачьих поселенческих структур: после занятия кордонов на границе при самих кордонах, а также вглубь степей от реки Кубань появлялись хутора, заимки и слободы [6, л. 195]. Правда, сразу после прибытия в 1792 г. на дарованные земли казаки перезимовали на Тамани и на Ейской косе, а уж в начале лета следующего года заняли кордоны по реке Кубань. Кубанский историк А. М. Туренко в 1836 г. писал: «...Вслед за ними (имеются в виду казаки, высадившиеся в Тамани в августе 1792 г.) полковник Кордовский с двумя пешими полками и частью семейств прибыл сухим путём на сию землю и, став при Старом Темрюке, учредил наблюдательный пост и устроил курени на зиму» [13, с. 7].

Но вскоре войсковое правительство приняло меры к упорядочению процесса стихийного заселения края. В феврале – марте 1794 г. кошевой атаман войска верных казаков Черноморских З. А. Чепега с выборными от временных селений (очевидно, казачьих слободок) отправился в атаманский объезд заселяемой территории Черномории для выбора мест под постоянные куренные селения. 18 февраля 1794 г. в циркулярном приказе З. А. Чепеги подтверждается намерение казаков «заводить куренные строения и хлебопашество как веснянное время приспевает». 21 марта 1794 г. атаманом «учинена Ведомость», и в ней зафиксировано, «где которому куреню назначено под селение место» [10, с. 732–733]. Места для будущих казачьих куреней (селений) определялись традиционной казачьей процедурой жеребьёвки.

Тем не менее, лишь после окончательного размежевания земель между Черноморией, Кавказской губернией и землями Войска Донского войсковые власти приступили к отводу земель под курени (селения). Однако время межевания поселенческих мест затягивалось, и с весны 1793 г. предприимчивые потомки запорожцев обратились к привычным для них делам: добыче рыбы, охоте и скотоводству. Многие занялись заготовкой рыбы, запасы которой в Черномории казались тогда неистоцимыми.

На протяжении всего XIX в. прослеживается одна характерная тенденция в образовании на Кубани поселенческих структур: старожилые казаки, вытянувшие общий жребий для поселения в новой станице, получали приказ прибыть на новое место к 1 апреля. Мотивировалось это вполне объективно: к концу апреля трава достигала той степени зрелости, когда на подножном корму получалось без особых проблем перегонять скот и лошадей, да и волы, перевозившие домашний скарб, безболезненно могли двигаться на большие расстояния.

В начале февраля 1794 г. на собрании старшин и куренных атаманов приняли решение расселить всего сорок куреней (одноимённых с новыми куренными селениями). В итоге согласились селиться следующим порядком: «...начиная от

Ейского городка вверх по реке Еи... по Кугу- Еи, от устья её за пятьдесят вёрст, десять, а оттоль прямою межою до Усть-Лабинской крепости двенадцать, да по Кубани до Чёрного моря восемнадцать...» [12, с. 9]. На том же собрании старшин и куренных атаманов состоялась и жеребьевка куренных мест поселения.

К концу февраля 1794 г. кошевой атаман З. А. Чепега рассылает атаманам селений циркулярные приказы, в которых сообщает о принятых решениях и требует «строения и хлебопашества» заводить уже на новых местах. От жителей селений он вызывал «охотников» для осмотра вместе с ним «показанных мест на первой седмице следующего великого поста в понедельник». От громады селения Тимофеевки (в данном случае громада понимается как казачье общество) выбрали три человека, в слободе Константиновке «охотников сделалось» четыре человека, от Стояновки нарядили двух жителей. Жители же селения Андреевки попросили оставить их на прежнем месте ещё на два года. В целом же, первые полтора года казаки жили там, где им казалось сподручнее [10, с. 65].

Туренко А. М. в 1836 г. писал об итогах первой жеребьевки 1794 г. следующим образом: «Каждому куренному атаману был выдан план будущего селения. В пояснительной записке к нему говорилось: «По приложенному плану улицы должны быть шириной по 10, а дворы по 20, а в длину и по 43 аршинных сажень [сажень равна 2 м 13 см – *авт.*], а дворы в синем, а огороды в зелёном поле чернилам же избы, а посередине площадь для церкви»[13, с. 31–32].

Селения планировались в форме квадрата по три квартала с каждой стороны. Центр полностью отводился под церковь и площадь. В каждом из остальных кварталов планировалось по 16 дворов. Каждый двор размечался 85 метров в длину и 43 метра в ширину [7, л. 121–122].

В течение лета и осени 1794 г. продолжалось расселение куренных селений по всей территории Черномории, и велась активная переписка казаков и войсковых властей по этому поводу. Естественно, из-за отсутствия детального межевания земельных участков под поселения и точных ориентиров на местности нередко возникали конфликты.

Во избежание подобной неразберихи войсковое правительство утвердило план поселяемых куренных селений и приказало «поселить в назначенных по ведомостям местах без угнетения, порядочно по прилагаемому плану» [5, л. 12]. Планом регламентировались, ширина и длина дворов и улиц, предусматривались места для огородов, а также площадь с расположенной посередине церковью. Таким образом, документы позволяют предположить, что в течение весны–осени 1794 г. черноморские курени (селения) были в основном расселены, хотя и с нескрываемым недовольством жителей куреней.

Долгое время неясной оставалась ситуация с местом расположения поселений. В резолюции войскового правительства отмечалось: «Всем сорока куреням под селения места назначить по границе, начав от устья р. Ей вверх до р. Терновки, а оттоль поворотившись чрез р. Сасик Ейку, Челбасы, Бейсужок, Бейсуг большой и меньшей, Кирпили до Воронежского редута, а оттоль по р. Кубани до Чёрного моря в удобнейших местах, и в которые именно под оные места назначены, будут сделать

ведомость и отправить для оповещения всего войска частным и окружным командирам при указах, да и атаману кошевому для сведения таковую приложить»[8, л. 271 об].

Таким образом, в конце марта 1794 г. войсковое правительство только лишь назначает примерные места под будущие куренные селения. По мнению Б. Е. Фролова, речь идёт о жеребьёвке, и, по всей видимости, 15 февраля 1794 г. разыгрывались не конкретные земли с точной топографической привязкой, а нечто более расплывчатое, обозначалась приблизительная локализация куреней: «устье/верховье» какой-то реки [16, с. 12–13].

Фактическое заселение Черномории следует относить к 1794 г., и поселение первых запорожцев на Таманском полуострове, по существу, имело характер временной стоянки. Места для размещения будущих куренных поселений распределялись казаками по большей мере сообразно экономическим обстоятельствам, нежели с учётом сложившихся военных условий. На самом опасном участке российской границы, пролежавшем от района Екатеринодара до впадения Усть-Лабы в Кубань, поселялись только три куреня: Васюринский, Корсунский и Пашковский. Вдали от опасных закубанских соседей расположились 8 куреней: Екатерининский, Калниболотский, Кисляковский, Конеловский, Кущёвский, Незамаевский, Щербиновский и Шкуринский. По берегам рек Бейсуг и Бейсужок поселились 6 куреней: Батуринский, Брюховецкий, Дядьковский, Иркиевский, Кореновский и Переяславский. На реке Челбас разместились 4 куреня: Деревянковский, Канивской, Крыловской, Леушковский. На реке Кочеты нашли своё место также 4 куреня: Динской, Медведовский, Мышастовский и Пластуновский. На реке Кирпили расположились ещё 4 куреня: Платнировский, Роговской, Сергеевский и Тимашёвский. На реке Понуре осели Величковский и Поповический курени. На реке Сасык (Сосыка) отстроились Минский и Уманский курени. При кубанских лиманах поселились сразу 3 куреня: Вышестеблиевский, Джерелиевский и Титаровский. При Ангелинском ерике нашёл себе место под поселение Нижестеблиевский курень, при Казачьем ерике закрепились Небержанский и Полтавский курени [2, с. 46].

Что же касается самого порядка непосредственного заселения куреней Черноморского казачьего войска на отведённых земельных угодьях, то, как правило, указывалось только примерное место расположения будущих куренных селений Черноморского казачьего войска. В принятом порядке заселения новых земель, куреням определялось, по существу, лишь общее направление в передвижении по территории региона и приблизительное место будущего размещения, скажем, за 30 вёрст друг от друга. Причём, это место далеко не всегда совпадало с первичным целеуказанием, ведь возникали немаловажные местные обстоятельства, которые обязательно требовалось учитывать при непосредственном поселении. Например, отсутствие водоёма для скота или непригодность воды в целом.

Таким образом, в конце октября 1794 г. никаких куренных селений на восточной границе Черноморского казачьего войска никак не наблюдается, и

соответствующее окружное начальство вообще ничего не ведает о местах их возможного размещения. Весьма маловероятно, чтобы за оставшиеся всего лишь два зимних месяца 1794 г. казакам удалось эти куренные селения основать с нуля.

Казаки «сильнейше понуждались» к намеченному переезду в назначенные места войсковыми чиновниками, и поскольку административное давление в силу ещё только складывавшейся системы управления не могло быть довольно жёстким, то и результат его оказывался не таким уж существенным. Они крайне неохотно снимались с места и неспешно отправлялись в назначенные места, выполняя поступившее сверху распоряжение, поэтому количество переселенцев получалось невелико, и направлялись они в указанное место с большими интервалами по времени, собирались лишь небольшими партиями, следовали по указанному маршруту даже отдельными семьями, а то и вовсе двигались в одиночку.

Современный российский историк Н. Ф. Бугай отмечал характерную историческую тенденцию вторичного заселения казаками территории Черномории, когда куренные селения Черноморского казачьего войска водворялись на уже освоенных самими же казаками местах, в ранее созданных слободах. По его мнению, «заселяли казаки новый край слободами, смешено», а с точки зрения социально-демографического статуса получалось, что «значительное число семейных и домовитых казаков обустроились в слободах (селениях)» [4, с. 44].

Осенью 1795 г. для готовящейся в Сенате карты Российской империи в войсковом правлении Черноморского казачьего войска составили опись мест расположения куренных селений в Черномории. Благодаря этому историческому документу, мы знаем о размещении 12 куренных селений на речных берегах по течению реки Ея и её притоков, о водворении 10 куренных селений на берегах степных речек: Албаши, Великий и Малый Бейсуг, Кирпили, Тихонькой, Челбасах. Остальные куренные селения находились в южной части Черномории, причём в непосредственной близости у реки Кубань фиксировалось только восемь куренных селений: Васюринское, Величковское, Динское, Корсунское, Пашковское, Пластуновское, Роговское, Тимошёвское. Заметим, через 10 лет после заселения края, вблизи берегов Кубани останется всего лишь три куренных селения: Васюринское, Корсунское, Пашковское, и располагались эти селения на расстоянии примерно 2–4 вёрст от пограничных кордонов.

Становится очевидной историческая тенденция, характерная для начального этапа развития казачьих поселенческих структур, заключавшаяся в том, что появление на всей территории Черномории куренных селений (расселение куреней) не превратилось в детерминирующий фактор переселенческого процесса, и тотального перемещения всех черноморских казаков в запланированные куренные селения, к своим куреням не произошло. В Черноморском казачьем войске по-прежнему продолжали существовать ранее созданные казачьи слободки, хотя их количество заметно уменьшилось, значительное число черноморских казаков осели на новых землях своими хуторами, немало переселенцев устроилось жить и работать на образуемых рыбных заводах, многие и вовсе проживали походным порядком при перемещающихся табунах и отарах.

Следует подчеркнуть и нежелание многих казаков Черноморского казачьего войска переселяться в куренные селения, что вызывало серьёзную обеспокоенность в войсковом правительстве. Согласно заявлению А. Головатого, «пришедшие и ныне приходящие на войсковую землю сего войска старшины и казаки, не поселяясь на назначенных под куренные селения местах заводят свои хутора по разным рекам и урочищам, чем навлекают куренным атаманам [трудности] в выставлении на службу казаков и в отыскании праздношатающихся по войсковой земле и не принадлежащих к войску беглых из разных мест великое затруднение» [9, л. 27 об]. В войсковом правительстве осознавали ограниченность своего властного воздействия, явно не достигавшего хуторов и заимок, где вольная жизнь получалась выгодной не только в экономическом отношении, но и в плане прямого уклонения от общественных повинностей и воинской службы.

После переселения на Кубань черноморские казаки (бывшие запорожские сечевики) сохранили свои курени с прежними сечевыми названиями и прибавили к уже имеющимся два новых куреня. «Тридцать восемь куреней были тех же самых названий, какие существовали в Запорожском войске, – писал П. П. Короленко, – а два добавлены вновь, первый Екатериновский – в честь Императрицы Екатерины, а последний Березанский – в воспоминание взятия черноморцами турецкой крепости Березани» [11, с. 57]. Успешный штурм крепости казаки осуществили 7 ноября 1788 г. под командованием войскового судьи А. А. Головатого во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг., но с тех пор остров Березань так и не стал обитаемым, несмотря на неоднократные попытки разных групп людей его как-то обжить и обустроить. Сегодня он находится в прибрежных водах Республики Украина, в части морской акватории, относящейся к Николаевской области. С южной и западной стороны Березань мощно омывается водами Чёрного моря, с востока его достигают водные потоки реки Буг, а северная часть Березани расположена практически рядом с устьем реки Днепр. Остров является частью национального историко-археологического заповедника Украины «Ольвия».

С 1809 г. кубанские курени начинают называться куренными селениями [3, с. 19], и это исторически совпадает с началом планомерного привлечения на территорию Черноморья новых переселенцев. Укоренившиеся к этому моменту курени становятся центрами по приёму новых переселенцев, при этом войсковое правительство стремится непременно сохранить в названиях поселений исторические наименования куреней черноморских (запорожских) казаков.

Известный кубанский географ, педагог и организатор образования конца XIX – первой трети XX вв. Леонид Яковлевич Апостолов (1865–1932) в своём главном научном труде «Географический очерк Кубанской области» (1897) показывает черноморские курени в их исторической динамике: «Все курени существуют теперь в виде огромных станиц, но каковы они были в первое время, это трудно себе и представить. Вместо домов были землянки и мазанки, лишённые самых элементарных удобств, и даже церкви были под камышовой крышей» [1, с. 234–235]. Тем самым, для кубанского исследователя Л.Я. Апостола курень выступает как развивающаяся поселенческая структура, эволюционировавшая от

примитивного селения с убогими строениями до огромной кубанской станицы, ставшей настоящим казачьим куренём.

Итак, к середине XIX в. в Черномории господствующим типом поселения становится станица, хотя в количественном отношении преобладали хутора. Процесс трансформации типов поселений оказался весьма сложным, и зачастую запутанным, ибо одновременно существовали сразу несколько типов поселений, не всегда представлялось возможным установить конкретную дату образования поселения, места расселения казаков носили временный характер, вместо одних селений появлялись другие. Однако исторически первым типом поселения в Черномории стали казачьи слободки, а не курени, как это принято считать.

Список использованных источников и литературы

1. Апостолов Л. Я. Географический очерк Кубанской области. – Краснодар, 2010. – 320 с.
Apostolov L. Ya. Geograficheskiĭ ocherk Kubanskoj oblasti. – Krasnodar, 2010. – 320 s.
2. Бентковский И. В. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год // Памятная книжка Кубанской области на 1881 год. – Екатеринодар, – 1881. – С. 3–125.
Bentkovskij I. V. Zaselenie Chernomorii s 1792 po 1825 god // Pamjatnaja knizhka Kubanskoj oblasti na 1881 god. – Ekaterinodar, – 1881. – S. 3–125.
3. Бугай Н. Ф. Курень, куренное поселение, станица: основа Кубанского казачьего Войска и Краснодарского края // Наследие веков. – 2017. – № 4(12). – С. 15-28.
Bugaj N. F. Kuren, kurennoe poselenie, stanica: osnova Kubanskogo kazach'ego Vojska i Krasnodarskogo kraja // Nasledie vekov. – 2017. – N 4(12). – S. 15-28.
4. Бугай Н. Ф. Станица Старо-Титаровская: от Екатерины до начала XX вв. – Тула, 2007. – 597 с.
Bugaj N. F. Stanica Staro-Titarovskaja: ot Ekateriny do nachala XX vv. – Tula, 2007. – 597 s.
5. ГАКК, ф.-249, оп. 1, д. 2830.
ГАКК, f.-249, op.1, d. 2830.
6. ГАКК, ф. -250, оп. 1, д. 24.
ГАКК, f.-250, op.1, d. 24.
7. ГАКК, ф.-318, оп. 1, д. 512.
ГАКК, f.-318, op.1, d. 512.
8. ГАКК, ф.-250, оп. 1, д. 1.
ГАКК, f.-250, op.1, d. 1.
9. ГАКК, ф.-250, оп. 1, д. 52.
ГАКК, f.-250, op.1, d. 52.
10. Дмитриенко И. И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. – Санкт Петербург, 1896. – Т. 3. – 799 с.
Dmitrienko I. I. Sbornik istoricheskikh materialov po istorii Kubanskogo kazach'ego vojska. – Sankt Peterburg, 1896. – T. 3. – 799 s.
11. Короленко П. П. Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли // Известия ОЛИКО (Общества любителей изучения Кубанской области). Вып. 1. – Екатеринодар, – 1899. – С. 53–149.
Korolenko P. P. Pervonachal'noe zaselenie chernomorskimi kazakami Kubanskoj zemli // Izvestija OLIKO (Obshhestva ljubitelej izuchenija Kubanskoj oblasti). Issue 1. – Ekaterinodar, – 1899. – S. 53–149.
12. Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века: исторические документы. – Краснодар, 2006. – 520 с.
Pervaja perepis kazakov-pereselencev na Kuba' v konce XVIII veka: istoricheskie dokumenty. – Krasnodar, 2006. – 520 s.
13. Туренко А. М. Исторические записки о войске Черноморском. – Киев, 1887. – 146 с.
Turenko A. M. Istoricheskie zapiski o vojske Chernomorskom. – Kiev, 1887. – 146 s.

14. Фелицын Е. Д. Краткий очерк заселения Кубанской области // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – Тифлис, 1884–1885. – Т. VIII. – С. 250-284.

Felicyn E. D. Kratkij ocherk zaselenija Kubanskoj oblasti // Izvestija Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva. – Tiflis, 1884–1885. – Т. VIII. – S. 250-284.

15. Фролов Б. Е. Основание первых куренных селений в Черномории // Вестник архивиста Кубани. – 2006. – № 1. – С. 12–20.

Frolov B. E. Osnovanie pervyh kurennyh selenij v Chernomorii // Vestnik arhivista Kubani. – 2006. – № 1. – S. 12–20.

Fedina I. M. First settlements of black sea cossacks

The article analyses the initial stage in the settlement of the Kuban at the end of the XVIII century. The study of the history of the first settlements of the Black Sea Cossacks allows one to recreate a historical picture of the settlement in the Black Sea region, to identify the features that are characteristic to the development of the first Cossack settlement structures in the south of Russia. The settlements' modus vivendi was largely predetermined by the type of settlement and the moment of its creation in the regional historical space, although given some special conditions of the Kuban (South Russian) frontier, the importance of consolidation and sustainability of the Cossack settlements has grown quite largely. The process of peopling an extensive territory of the Black Sea originally did not meet with a noticeable success and broad scale, since for the first ten years after the resettlement there was not a single new settlement with a new Cossack community. Particular attention is paid to the Cossack commercial villages and kuren settlements, as primary residential units, as well as their arrangement and planning.

Keywords: peopling, kuren, Cossack commercial village, Black Sea area, settlements, Cossacks